

Салахов А. М. (РИИ, Казань)

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В ТАТАРСКИХ ГРАММАТИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX НАЧАЛА – XX ВВ.

Аннотация: статья посвящена исследованию падежной парадигмы татарского языка в учебниках, составленных татарскими филологами во второй половине XIX – начале XX вв., ориентированных на арабскую грамматическую систему, с целью определения степени влияния арабской грамматики на татарскую в диахроническом плане.

Ключевые слова: система падежей, татарская грамматика, арабская грамматика, влияние

**Category of case in Tatar grammars beginning of second half
XIX–XXth centuries**

Summary: Paper investigates case paradigm Tatar language in textbooks compiled Tatar philology in the second half of XIX - early XX centuries, oriented Arabic grammatical system, in order to determine the degree of influence on Arabic grammar Tatar in diachronic aspect.

Keywords: System of cases, Tatar grammar, Arabic grammar, influence

Как известно, грамматики татарского языка, составленные в

середине XIX – начале XX вв., писались на основе либо арабских, либо русских грамматик. Пособия первой группы были подготовлены татарскими филологами и просветителями (Г. Фаезханов (1887), К. Насыри (1985), М. Умидбаев (1901), А. Мухаммадрахим (1905), А. Максуди (1910) и др.) для учащихся медресе; пособия второй группы составили русские тюркологи и востоковеды для учащихся гимназий и духовных семинарий (И. Гиганов (1801), И. Хальфин (1809), М. Иванов (1842), А. Троянский (1860) и др.) [3, с. 5].

В данной статье мы предпримем попытку выявить влияние арабской грамматики и ее терминосистемы на содержание падежной парадигмы, предложенной татарскими учеными. Отметим, что в арабском языке насчитывается лишь три падежа: رفع, نصب, جر (именительный, родительный и винительный падежи условно), тогда как в современной татарской грамматике выделяется шесть падежей: именительный (безаффиксальный), принадлежный (аффикс -ны/-не), исходный (-дан/-дэн), направительный (-га/-гэ), винительный (-ны/-не), местовойременной (-да/-дэ). Исследование представляет теоретический и практический интерес, поскольку: а) позволит в из-

вестной степени осветить эволюцию татарского грамматического учения (в частности содержание центральной грамматической категории имени Литература: падеж); б) результаты изучения падежных форм и их значений в обоих языках могут быть использованы при обучении арабскому языку с опорой на родной (татарский) язык; в) знание корреляции падежных форм и их грамматических функций обоих языков позволит достигать более адекватного перевода арабских слов и текстов на татарский.

Г. Фейзханов в своей работе «Татар телгә кыскача гыйльм сарыф» («Краткая морфология татарского языка») описывает восемь падежных форм имени. Способность имени изменяться по флексиям в зависимости от того, на какой вопрос оно отвечает, Г. Фейзханов называет арабским термином إعراب; он выделяет следующие падежи: 1) основной (فاعل): кем? – шәкерт (ученик), ни? – алма (яблоко); 2) притяжательный (مضاف); кемнең? кемнеке? – шәкертнең (ученика), нинең? нинеке? – алманың (яблока); 3) принадлежный (مضاف إليه), суффиксы которого (-ы/-е, -сы/-се) в настоящее время рассматриваются как показатели категории принадлежности: шәкерт китабы (книга ученика), шәкерт ал-

магачысы (яблоня ученика); 4) направительный (مفعول له): кемгә? – шәкерткә (ученику), нигә? – алмага (яблоку); 5) винительный (مفعول به): кемне? – шәкертне (ученика), нине? – алманы (яблоко); 6) совместный (مفعول معه), образующийся через послелог белән: шәкерт белән (с учеником), алма белән (с яблоком); 7) исходный (مفعول منه): кемнән? – шәкерттән (от ученика), нидән? – алмадан (из яблока); 8) место-временной (مفعول فيه): кемдә? – шәкерттә (у ученика), нидә? – алмада (в яблоке) [8, с. 8].

К. Насыри в своем пособии «Әнмүзәж» («Образчик») описывает шесть падежных форм (1 (مبتداً): (إعراب): кул; 2) притяжательный (مفعول إليه): -ның/-нең – кулның; 3) винительный (مفعول به): -ны/-не – кулны; 4) направительный (مفعول له): -га/-гә – кулга; 5) совместный (مفعول معه): белән – кул белән; 6) место-временной (مفعول فيه): -да/-дә – кулда [5, с. 66]. В отличие от Г. Фейзханова, К. Насыри помимо падежной системы имени существительного приводит также парадигму склонения местоимения, падежные аффиксы которого отличаются от падежных показателей имени.

Отметим, что в опубликованной в 1865 году пособии «Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах» К. Насыри приводит

лишь четыре падежные формы: именительный, родительный, дательный, винительный [6, с. 14].

М. Умидбаев в своем труде «Татарча нәхүнең мохтәсары» («Сокращенная татарская грамматика») приводит семь падежных форм для одушевленных предметов и шесть – для неодушевленных: 1) основной падеж (исем төшеме): кем? – ир, нәрсә? – китап; 2) притяжательный падеж (изафә төшеме): кемнең? – ирнең, нинең? – китапның; 3) направительный (бирү төшеме): кемгә? – иргә, нигә? – китапка; 4) винительный падеж (булдыру төшеме): кемне? – ирне, нине? – китапны; 5) звательный падеж (чакыру төшеме): частицы эй, йа – эй ир, йа шәехе (у данной падежной формы нет отдельных суффиксов и она употребляется только с одушевленными предметами); 6) совместный падеж (мәдәд төшеме): кем белән? кемдән? – ир белән, ирдән, ни белән? нидән? – китап белән, китаптан; 7) обстоятельственный падеж (зарыф төшеме): кем хакында? – ир хакында, ни хакында? – китап хакында [9, с. 9–10].

А. Мухаммадрахим в своем пособии «Төрки сарыфы» («Татарская грамматика») приводит следующие падежные формы (1 (حال): основной падеж (ялангач/مجرد) – каләм,

2) винительный падеж (аны кылынмыш/مفعول به) – каләмне, 3) местовременной (анда кылынмыш/مفعول فيه) – каләмдә, 4) исходный (андан кылынмыш/مفعول منه) – каләмдән, 5) дательный (аңа кылынмыш/مفعول إليه) – каләмгә, 6) направительный (аның өчен кылынмыш/مفعول له) – каләм өчен, 7) совместный (аның белән кылынмыш/مفعول معه) – каләм белән, 8) притяжательный (аңа кушылмыш/مضاف إليه) – каләмнен, 9) принадлежный (гайресенә кушылмыш/مضاف) – каләме [4, с. 7–8].

В трактате А. Максуди «Сарф төрки» приводятся семь падежных форм (إعراب: 1) основной (بيان): кем? – кеше, ни? – кием; 2) принадлежный (مضاف إليه): кемнен? – кешенен, нинен? – киемнен; 3) направительный килеше (مفعول إليه): кемгә? – кешегә, нигәгә? – киемгә; 4) винительный (مفعول به): кемне? – кешенене, нине? – киемне; 5) место-временной (مفعول فيه): кемдә? – кешедә, нидә? – киемдә; 6) исходный (مفعول منه): кемнән? – кешедән, нидән? – киемдән; 7) подобный (مثال): кемчә? – кешечә, ничә? – киемчә [2, с. 14]. Суффикс «подобного» падежа в современной грамматике соответствует суффиксу причастия.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что для наименования большей части падежных форм авторы

описанных татарских грамматик использовали грамматические значения арабских падежей функционально соответствующих падежным формам татарского языка. Так, Г. Фейзханов и К. Насыри именительный падеж называют مبتدأ (подлежащее) и فاعل (субъект) соответственно, исходя из того, что данные члены предложения в арабском языке употребляются в именительном падеже. А. Мухаммадрахим именительный падеж называет مجرد, тем самым указывая на безаффиксальную природу данной падежной формы, поскольку термин مجرد («очищенный») в арабской грамматике используется для обозначения глаголов, не имеющих в своем составе дополнительных букв, в отличие от глаголов типа مزيد («расширенный»). М. Умидбаев для наименования именительного падежа использует кальку с русского языка – «исем төшеме».

Для обозначения притяжательного падежа Г. Фейзханов использует название первого компонента изафетного словосочетания арабского языка – مضاف, также он выделяет принадлежный падеж – مضاف إليه, показатели которого (-ы/-е) в современной татарской грамматике рассматриваются как аффиксы принадлежности. К. Насыри данную падежную форму называет مفعول إليه, М.

Умидбаев إضافة төшеме, А. Мухаммадрахим и А. Максуди مضاف إليه. На наш взгляд, термин Г. Фейзханова для обозначения притяжательного падежа (مضاف) является более точным, чем термины А. Мухаммадрахима и А. Максуди (مضاف إليه), поскольку именно первый компонент изафетной конструкции в арабском языке соответствует форме притяжательного падежа в татарском (аффикс -нын/-нен), т.е. является определяемым, тогда как второй компонент – определением. Например: كتاب محمد (Книга Мухаммада). Здесь слово كتاب (книга) – первый компонент идафы (مضاف) – определяемое; слово محمد (Мухаммада) – второй компонент идафы (مضاف إليه) – определение. Данному выражению соответствует следующее выражение в татарском языке: Мөхәммәтнең китабы, где слово «китабы» – определяемое; Мөхәммәтнең (имеет при себе показатель принадлежности падежа аффикс -нен) – определение.

Для обозначения направительного падежа Г. Фейзханов, К. Насыри, А. Мухаммадрахим используют наименование обстоятельства причины مفعول له. М. Умидбаев – кальку с русского дательного падежа – бирү төшеме, А. Максуди – вводит термин مفعول إليه. Отметим, что если термин مفعول له в арабском языке ис-

пользуется только для указания на причину или цель действия (قام التلميذ إكراما لأستاذه – Ученик поднялся из-за уважения к своему учителю), то в татарском языке данная падежная форма используется для выражения направленности, причины и цели действия. Например: Таһир елгага төште (Тахир спустился к реке) – направленность действия. Ильяс бу хәбәргә шатланды (Ильяс обрадовался этому сообщению (из-за этого сообщения) – причина действия [7, с. 50]. Более точно данную падежную форму относительно арабской грамматики использует А. Мухаммадрахим, присваивая ей, помимо مفعول له, параллельное наименование «аның өчен кылынмыш» («причинный падеж»). Грамматические значения винительного падежа в татарском и арабском языках идентичны и выражают прямой объект: Гали дәрес кабатлады (Али повторил урок) – كتب محمد رسالة (Мухаммад написал письмо). Все авторы описанных грамматик называют данный падеж مفعول به, за исключением М. Умидбаева, который называет его «булдыру төшеме». Все авторы, за исключением А. Максуди, выделяют «совместный падеж», для которого используют термин مفعول معه (М. Умидбаев называет его «мәдәд төшеме»), означающий в арабской грам-

матике лицо или предмет, участвующий в действии совместно с субъектом [1, с. 340]: جريت والنهر (Я бежал вместе с рекой). В современной татарской грамматике подобного рода конструкции рассматриваются как послеложные: Ул этисе белэн сөйләште (Он поговорил со своим отцом). Г. Фейзханов, А. Мухаммадрахим, А. Максуди, М. Умидбаев выделяют форму исходного падежа, которую называют *مفعول منه*. Отметим, что данный термин в арабском языке отсутствует: соответствующее значение выражается посредством предлога *من* (из, от): خرج محمد من الفصل (Мухаммад вышел из класса). Г. Фейзханов, К. Насыри, А. Мухаммадрахим, А. Максуди выделяют форму место-временного падежа и называют ее *مفعول فيه*. Данный термин заимствован из арабской грамматики и соответствует обстоятельству места или времени: جلس تحت الشجرة (Я сел под деревом); رجع الأب ليلا (Отец вернулся ночью). В татарском языке данная падежная форма используется для выражения пространственных, временных и объектных значений [7, с. 53]. Бу йортта һичкем калмады (В этом доме не осталось никого). Дәрес билгеле сәгәтәтә башланды (Урок начался в назначенное время). Күңелемдә өмет уянды (В моей душе родилась надежда).

Грамматическую категорию, служащую для выражения отношения имени к другим частям предложения, Г. Фейзханов, Н. Насыри и А. Максуди называют *إعراب*. Данный термин заимствован из арабской грамматики и означает мену флексий под воздействием грамматических факторов [11, с. 20]. Использованный А. Мухаммадрахимом для обозначения понятия падеж термин *ل* также взят из арабской грамматики, где он используется для указания на грамматическое состояние слова в том или ином падеже. М. Умидбаев, в отличие от других авторов, для указания на категорию падеж вводит термин «төшем», что является калькой с русского «падеж».

Недостаточное количество названий падежных форм в арабском языке (различные грамматические отношения между именами в арабском языке выражаются – помимо падежных флексий – посредством предлогов) татарские филологи компенсировали наименованием их грамматических функций (дополнение, обстоятельство места и времени, обстоятельство цели), новыми наименованиями, а также названиями компонентов изафетной конструкции. От использования арабских наименований падежных форм авторы татарских грамматик

отказались, на наш взгляд, в силу того, что они не несут в себе какого-либо указания на их грамматические значения. Согласно одной из версий, свои названия арабские падежи получили в связи с положениями, которые принимают губы при произнесении соответствующих падежных флексий. Так, именительный падеж, маркером которого является дамма (гласный звук «у») получил название فَع, «поднятие» из-за того, что при произнесении даммы

губы «поднимаются» со своего обычного положения. Винительный падеж, оформляемый через фатху (гласный «а»), назван نَصَب («воздвигать») в связи с тем, что при произнесении фатхи рот «воздвигается» после того, как находился внизу. Родительный падеж, показателем которого является кясра (гласный «и») назван جَر («тянуть») ввиду того, что при произнесении кясы нижняя челюсть опускается вниз [10, с. 57].

Список литературы

1. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. / Б.М. Гранде – М.: Вост. лит-ра, 1998. – 592 с. С. 340.
2. Максуди А. Тәрки сарфы / А. Максуди. – Казань: Лито-Типография И.Н. Харитонова, 1910. – Б. 14.
3. Мифтахова И.Г. История татарских грамматик: исследования именных частей речи (XIX – начало XX вв.) / И.Г. Мифтахова. – Казань: Хәтер. – Ч. 1. – 1998. – С. 5.
4. Мөхәммәтрәхим А. Тәрки сарыфы / А. Мөхәммәтрәхим. Казань: Лито-Типография И.Н. Харитонова, 1905. – Б. 7-8.
5. Насыри К. Энмюзядж / К. Насыри. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1975. – Б. 66.
6. Насыров. К. Татарская грамматика, изложенная в примерах / К. Насыров. – Казань: Типография Казанского ун-та, 1860. – С. 14.
7. Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1993. – 396 с.
8. Фәезханов Г. Татар телгә кыскача гыйльм сарыф / Г. Фәезханов. – Казань: Типография Казанского ун-та, 1887. – Б. 8.
9. Өметбаев М. И. Татар нәхүсенәң мохтасары / М.И. Өметбаев. – Казань: Типография Б.Л. Домбровскаго, 1901. – Б. 9-10.
10. Al-Istirabazi M. Sharkh Литература:ala Kafiya Ibn al-Hajib / M. Al-Istirabazi. –Al-Qahira: Alam al-kutub, 2000. – S.

75.

11. Az-Zamahshari Mahmud Литература:U. Al-Anmuzaj / Mahmud Литература:U. Fz-Zamahshari. Литература: Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1901. Литература: S. 20.